

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги развития русской литературы за первые семь веков ее существования.

Литература всё более и более отделяется от деловой письменности и от письменности церковной, начинает определяться в своей специфике. Она порождает свои жанры, литературные в собственном смысле. На смену «сказаниям», «словам» и «житиям», отменяя или вытесняя их, приходят различные повести и истории — «прохладные», «красные», «умильные», «смехотворные», «утешные» и т. д. Появляется авантюрная повесть, первоначально связанная с переводами произведений западноевропейской литературы («История о Бове Королевиче», «Повесть о Петре Златые Ключи» и др.). Зарождается стихотворство различных видов — и силлабическое, и тоническое, народное, появляется любовная лирика, бытовая повесть с любовной темой. Возникает организованный театр с зрительным залом и сценой, декорациями и бутафорией, с профессиональными актерами и письменным драматическим текстом, представлявшим литературную ценность. Стремление к занимательности стало обнаруживаться не только в выборе тем произведений, первоначально посвященных только наиболее значительным событиям религиозной и светской жизни, но и в разработке интриги, в построении сюжета.

Литература растет в своем разнообразии: разнообразии жанров, средств, целей, на которые она была рассчитана, и читательской среды, в которой она распространялась. Литературные явления конца XVII века так же пестры, как пестра была вся жизнь этого времени, весь ее быт, и всё ее искусство — от ярославской стенописи до ярко раскрашенных построек в камне и дереве. Тут и придворная поэзия Симеона Полоцкого, и демократическая сатира, хронографы и авантюрные повести, церковная полемическая литература и за-

писи фольклорных произведений. Украинское влияние смешивается с влиянием, шедшим с Запада. Им обоим противостоит стремление опереться на свои народные начала, противопоставить иноземному национальный русский быт и бытовую речь (Азвакум). В литературном языке также определяются резкие различия между тремя его типами: одним, опирающимся на язык церковнославянский, другим — на бытовое просторечие и третьим — на деловую прозу московских приказов. Литература приобретает огромные возможности дальнейшего развития.

*

Оснащение литературы новыми средствами, новыми формами и темами было только внешним выражением того движения, которое она совершила по пути приближения к жизненной правде. Путь к этому русской литературы был очень долгим, трудным и далеко не ровным, но неуклонным и совершенно отчетливым. Этот путь начался с первых этапов развития русской литературы и продолжался на всем протяжении ее развития. Основное, что было достигнуто на этом пути, — это своеобразное «открытие» человека, его внутреннего мира, осознание ценностей человеческой личности самой по себе, независимо от ее положения в иерархии феодального общества.

В самом деле, в X—XIII веках литературные произведения изображают людей в тесном соответствии с феодальными представлениями о том, каким должен быть человек, занимающий ту или иную ступень лестницы феодальных отношений. Человек является главным образом как представитель своего общественного положения: князь — князем, боярин — боярином, епископ — епископом, а народ по большей части выступает безликой массой, долженствовавшей своей преданностью феодалу украшать и возвеличивать его. Интересы авторов сосредоточиваются по преимуществу на изображении верхов феодального общества и выдающихся представителей церкви. Князья изображаются как носители идеала власти, представители церкви — как идеальное воплощение христианской морали и христианского поведения.

Эта система изображения людей господствует в литературе XII—XIII веков, но рядом с ней очень рано дает себя чувствовать другая система, берущая свое начало в народном творчестве. В ней также главную роль играли поступки героя — его подвиги, а не его психологические переживания, но подвиги героя не определялись его классовым положением, его положением на лестнице феодальных отношений. Воздействие народного творчества на литературу постоянно сказывалось и в дальнейшем, разрушая

идеалистическую систему изображения людей, внося в него элементы жизненной правды.

В последующее время, в XIV—XV веках, когда вырабатывался новый стиль житийной, ораторской и исторической повествовательной прозы, в литературу начинает проникать описание внутреннего состояния самого автора и его героев, но характер, индивидуальность человека этой психологией еще не представлены. Внутренняя жизнь людей раскрывается в общей форме, присущей всем людям в пределах двух элементарных их категорий — добрых и злых, без какой бы то ни было связи с индивидуальностью человека. Авторы, как, например, Епифаний Премудрый или Пахомий Серб, в абстрактной форме пишут о своих переживаниях, навеянных благочестивой жизнью святого, пишут о тех чувствах, которые возбуждает то или иное событие. Герои их произведений также обуреваемы чувствами и страстями. Однако эти бурные вторжения в область внутреннего мира не дают еще изображения характеров действующих лиц.

Отдельные психологические состояния и психологические качества не складываются в цельные индивидуальности. Люди оказываются воплощениями только одной черты — одной страсти, добродетели или порока, или нескольких черт, но без естественной связи между ними. Они резко делятся на «добрых» и «злых», не знают органического соединения в одном человеке положительных и отрицательных черт. По-прежнему поступки людей в центре внимания писателей, а внутренние переживания только сопровождают эти поступки, являются их своеобразным психологическим «сопровождением».

Позднее в исторической литературе XVI века герою исторических произведений начинает уделяться всё большее внимание. В центре исторического повествования XVI века — личности московских государей, их деятельность, их выдающиеся государственные успехи («Книга степенная»). Создаются произведения, целиком посвященные деятельности Ивана Грозного: «Летопись начала царства», «Казанская история».

Классовая и внутриклассовая борьба, особенно остро развернувшаяся в начале XVII века, поставила на очередь обсуждение личности государя или кандидатов на царский престол. Государей ставили на престол «всею землею» и «всею землею» обсуждали их характеры, их личные качества. Их политическая позиция начинает трактоваться как порождение их характера, и при этом не описание поступков сопровождается экскурсами в область психологии, а сами характеры объясняют поступки и поведение.

Характеры государей обсуждаются не только в жизни, но и в литературе. Разные точки зрения порождают попытки их совмещения. Часть авторов отмечает в одном и том же человеке (например, в Иване Грозном или Борисе Годунове) и положительные и отрицательные черты. Это совмещение положительных и отрицательных черт в изображении одного человека стало возможным в результате чрезвычайного развития и усложнения в начале XVII века классовой и внутриклассовой борьбы, когда самое отношение к человеку стало гораздо более сложным и когда нельзя было уже, как прежде, с такою простотою и определенностью делить всех литературных героев только на положительных и отрицательных.

Открытие в литературе возможности соединения в одном лице отрицательных и положительных свойств было настолько важным и произвело настолько сильное впечатление, что оно было прокламировано в Хронографе 1617 года энергично и резко. Так получилось, что образ человека в литературе перестал определяться только тем официальным положением, которое этот человек занимал в иерархии феодального общества. Писатель, описывавший раньше князя, царя, боярина с позиций «вассала», а святого — с религиозным подобострастием, становится более независимым. Колеблются иерархические отношения между писателем и его героем.

Это явление в своей основе было вызвано тем, что литература в XVII веке создается представителями различных классов, и в ней всё сильнее определяется живительное влияние народного творчества. Появляются многочисленные литературные произведения в среде городского посада, среди эксплуатируемых. Они особенно развиваются во второй половине XVII века, когда вырастает сатирическая литература, и некоторые из ее «новизн» становятся достоянием и той части литературы, которая вышла из среды господствующего класса. Авторы пишут о людях, не занимающих официального положения на лестнице феодальных отношений или находящихся на ее низших ступенях. Появляются действующие лица-герои — купцы, крестьяне, попы. Роль демократической сатиры в появлении этих новых действующих лиц огромна. Еще более возрастает значение народного творчества. Через сатирическую литературу посада народное творчество оказывает чрезвычайное воздействие на письменность. Появляются произведения («Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Сухане» и т. д.), в которых традиции народного творчества перевешивают традиции письменности. Наконец, возникают литературные обработки и первые записи народных произведений. Народное творчество оказывает осо-

бенно сильное воздействие на изображение человека. В литературу XVII века входит человек, не заслоненный уже целиком своим общественным положением, своими поступками, религиозно-дидактической или узко официальной трактовкой своего поведения. Впервые в литературе обрисовывается человек с его внутренней жизнью, интерес к которой всё усиливается и побуждает писателей делать первые шаги по направлению к литературному изображению человеческого характера.

В этом сознании ценности личности — одно из громаднейших завоеваний русской литературы XVII века. В «Повести о Горе-Злочастии» впервые в русской литературе сочувствием автора пользуется персонаж, нарушивший житейскую мораль общества, лишенный родительского благословения, бредущий неведомо куда в «гуньке кабацкой», в уши которого «шумит разбой».

Это новое отношение к человеческой личности было завоеванием всей русской литературы XI—XVII веков, одним из крупнейших результатов ее семивекового развития.

*

Появление в литературе изображения характеров было связано с открытием новых художественных методов их изображения. Эти методы также складывались постепенно, в течение нескольких веков, расширяя возможности художественного обобщения.

Действующие лица литературных произведений XI—XVI веков — конкретные исторические лица: князья, святые, деятели русской истории. Если в литературных произведениях и появляются вымышленные герои, реально не существовавшие, то всё равно читатели и переписчики этих литературных произведений бывали убеждены, что они существовали и действительно совершали те или иные приписываемые им поступки.

Художественный вымысел постепенно занял в литературе законное место. Первоначально авторы маскируют свой вымысел, выдавая его за действительность. Так было не только в литературе, но и в изобразительном искусстве.¹

Действующие лица древнерусских литературных произведений или князья (Владимир Святославич и его сыновья Борис, Глеб и Святополк, Владимир Мономах, Изяслав Мстиславич, Андрей Боголюбский, Даниил Романович, Александр Невский и т. д.), или монахи, святые. Интерес читателей к ним поддерживается именно тем, что все они реально существовали. Чем значительнее ими совершенное, тем больше и интерес к посвященному им литературному произведению. Вот почему даже малоудачные произведения могли распространяться во

множестве списков, коль скоро были значительны самые события и лица, изображенные в них.

Художественное обобщение присутствовало в изображении этих реально-исторических лиц, но оно выражалось по преимуществу в форме подчинения их характеристик определенным идеалам феодального общества. Связанный необходимостью изображать реальные факты, реальное лицо, автор ограничивался чисто внешним описанием его душевного состояния, говорил по преимуществу о поступках своего героя — о том, чему могли быть свидетели и «пóслухи».

Житийные шаблоны, шаблоны воинских повестей вырабатывались в процессе поисков литературных приемов обобщения. Эти шаблоны особенно усиленно вырабатываются в XIV—XVI веках. Авторы при этом пишут о событиях жизни святого не по реально дошедшим сведениям, а «по рассуждению», идя не от частных и не от фактов к воссозданию общего и типического, а от общего, от некоего идеала к частностям, воссоздавая их творческим вымыслом, отождествляя должное и действительное, действуя характерно идеалистическим способом и прибегая к дедукции чаще, чем к индуктивному познанию истины.

Система эта никогда не осуществлялась полностью, идеалистический метод вступал в постоянные столкновения с действительностью. Агиограф принужден был либо обходить, либо как-то объяснять и перетолковывать известные его читателям факты жизни того исторического лица, которое он брался описывать. Ему никогда не удавалось быть последовательным в своей идеалистической художественной системе. К тому же шаблоны обедняли литературу, делали ее маловыразительной, настолько стирали различия между отдельными действующими лицами (особенно святыми), что это не могло оставаться незамеченным даже рядовым читателем. Под влиянием реальных фактов, под влиянием политической жизни, требовавшей каждый раз новой трактовки событий и нового отношения к действующим лицам, под влиянием общественных споров литература постепенно освобождалась от шаблонов. Искусство в своем познании жизни не могло ограничиваться дедукцией, трафаретом, нивелировкой индивидуальных черт, в противном случае оно не являлось искусством.

Приход в литературу героя, не занимавшего высокого общественного положения, облегчил появление новых методов литературной типизации, основанных на художественном вымысле, обобщающем жизненно-конкретные явления, а не претворяющем в литературных героях феодальные идеалы. Особенно велика была в этом роль демократической литературы. «Повесть

о Горе-Злочастии» — первое произведение, в котором герой — обобщенно типическое лицо, не скрытое ни под каким историческим именем, но пока еще безымянное. Безымянны и другие герои сатирической литературы — «Азбуки о голом и небогатом человеке», повести «Шемякин суд» и др. Авторы не решались еще дать своим вымышленным героям вымышленные имена и предпочитали оставлять их безымянными или типизировать общественные явления и лица в образах животных («Повесть о Ёрше Ершовиче», «Повесть о куре и лисице»), но это были уже обобщения нового типа, которых не знала предшествующая русская литература и которые должны были развиваться в литературе нового времени.

*

Чем «конкретнее» и ближе к действительности становилась литература, тем отчетливее могла проявиться в ней и национальная специфика. При этом следует отметить, что и в этой области изображению человека следует придавать первостепенное значение. Национальная общность психического склада сильнее и отчетливее всего проявляется в литературе в изображении людей.

Русская литература X—XVII веков представляет процесс постепенного становления в ней национального своеобразия. Литература X—XIII веков — это литература древнерусской народности. Литература XIV—XVII веков — литература великорусской народности. С первой половины XVII века складываются элементы национальной литературы в связи с началом становления русской нации. Все эти периоды не могут быть строго отграничены друг от друга, и они не противостоят друг другу как нечто качественно отличное. Напротив того, все они входят в единую линию развития русской литературы: постепенного нарастания в литературе элементов национального своеобразия.

В литературе древнерусской народности характерные национальные черты выражены еще не очень сильно, но тем не менее уже вполне отчетливо. Литература X—XIII веков — это литература действительно древнерусская, по содержанию и по форме. Она тесно связана с русской исторической действительностью, отражает ее нужды, создает оригинально русские жанры, способствует развитию русского литературного языка.

В эпоху складывания великорусской народности происходит постепенное углубление всех этих черт. Государственное строительство, поглощавшее огромные народные силы, отразилось в литературе особенно большим интересом к общественным и

государственным темам, нарастанием в ней публицистичности и патриотизма.

Сложение национальных черт в русской литературе X—XVII веков было неразрывно связано с классовой борьбой народа против феодалов. Это вопрос очень сложный, еще не разработанный в современном литературоведении, но тем не менее в самых общих чертах своей постановки не вызывающий сомнений.

Искусство слова с самой древнейшей поры было представлено двумя областями: фольклором и литературой. Устное творчество принадлежало по преимуществу народу, литература же в основном находилась в руках феодального класса. В древнейший период развития русской литературы это различие прослеживается довольно отчетливо. Однако обстоятельство это не означает, что литература вовсе не отражала интересы народа. Как уже говорилось, отдельные прогрессивные идеи и целые произведения возникали в прогрессивной части феодального класса, у некоторых его передовых представителей и могли отражать общенародные интересы. Высоко художественные произведения рождались не только на народно-поэтической основе, но и на основе книжных традиций.

Очень рано в литературе могут быть отмечены произведения, которые были связаны с торгово-ремесленной частью населения города, как, например, некоторые части новгородских и московских летописей, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина и др.²

В XVII веке об этой торгово-ремесленной литературе можно уже говорить с полной определенностью. Демократическая сатира, первые записи фольклора и произведения, тесно связанные с фольклором, с разговорной речью и деловой прозой, сыграли выдающуюся роль в становлении национального лица русской литературы.

Роль демократической литературы XVII века чрезвычайно велика в формировании отдельных элементов реалистичности, в движении русской литературы к простоте и правде жизни, в сближении литературного языка с народным.

Отдельные национальные черты именно этого рода проявляются в таких произведениях, как «Повесть о Сухане», «Повесть о Горе-Злочастии», «Житие» протопопа Аввакума.

Если мы задумаемся над тем, в каких областях и в каких сторонах русской литературы XVII века больше всего выразилась ее национальная характеристика, то, без сомнения, придем к выводу, что первое место должно занять изображение самой человеческой личности. Образы людей в литературе больше

всего отразили ее национальные черты, больше всего в них выразился психический склад народа, его национальные идеалы. Эти национальные идеалы отражены не только в положительных действующих лицах (положительных действующих лиц в литературе второй половины XVII века как раз становится меньше, чем в предшествующее время), но в самом отношении к человеческой личности, в тех позициях, с которой она оценивается, в той особой точке зрения, с которой она воспринимается и изображается.

Итак, русская литература к концу XVII века пришла с серьезными результатами, которые затем отчетливо сказались в русской литературе нового времени. Русская литература уже древнейшего периода отличалась высоким патриотизмом, интересом к темам общественного и государственного строительства, неизменно развивающейся связью с народным творчеством, стремлением к простоте и демократизму. Она поставила в центр своих исканий человека, она ему служит, ему сочувствует, его изображает, в нем отражает национальные черты, но это открытие внутреннего мира человека в действующих лицах литературных произведений произошло, как мы уже говорили, далеко не сразу.

